

ПИСЬМА ВОСПОМИНАНИЯ ДОКУМЕНТЫ

Цветы моей родины

Ф. ШАЛЯПИН

От редакции

В мае 1908 года в Париже состоялись гастроли русской оперной труппы во главе с Ф. Шаляпиным. Накануне спектакля «Борис Годунов» редакция газеты «Matin» обратилась к Ф. Шаляпину с просьбой поделиться с читателями своими мыслями о русском искусстве. В ответ на это предложение Шаляпин написал статью «Цветы моей родины».

Редакция газеты «Matin» опубликовала эту статью 19 мая 1908 года, предпослав ей следующее небольшое вступление:

«Сегодня в опере идет шедевр Мусоргского и Пушкина «Борис Годунов» в исполнении великого русского артиста Федора Шаляпина с ансамблем более 300 человек его соотечественников — артистов московских и петербургских театров.

Шаляпин, друг Горького в годы его скитаний, живший общими с ним мыслями и тревогами, оказал честь редакции газеты «Matin», предоставив в ее распоряжение эмоциональный очерк, посвященный теме искусства и русской души».

В неполном русском переводе, с некоторыми цензурными сокращениями, статья Ф. Шаляпина была напечатана в нижегородской газете «Судоходец» № 214 за 1908 год.

Статья «Цветы моей родины», написанная Ф. Шаляпиным в период расцвета его творческой деятельности, представляет большой интерес. Великий артист с чувством патриотической гордости говорит о замечательных талантах феноменально одаренного русского народа, с волнением рассказывает о своей дружбе с Горьким. Эта забытая страница биографии Шаляпина заслуживает внимания и читателей и исследователей.

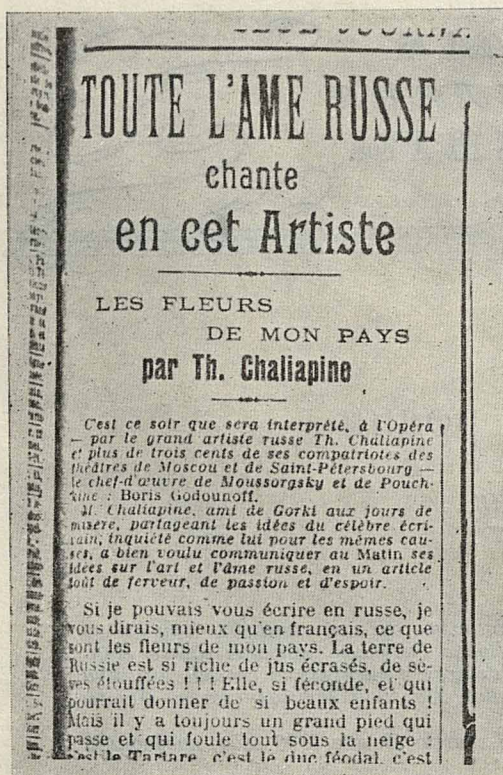
Ниже мы публикуем полный русский текст статьи Ф. Шаляпина «Цветы моей родины». Статья подготовлена к печати горьковским музыковедом В. Колларом.

Если бы я мог писать по-русски, а не на французском языке, я лучше сумел бы рассказать Вам о цветах моей родины. Русская земля так богата загубленными, погибшими талантами. Как она плодородна, сколько прекрасных всходов могла бы дать ее почва!!! Но вечно ступает по ней чей-нибудь тяжелый сапог, втискивая в снег, затапывая все живое: то татаро-монголы, то удельный князь, то турок, а теперь... полицейский¹.

¹ Упоминание о полицейском в русском тексте статьи, опубликованном в газете «Судоходец», было изъято.

Может быть мой тон покажется Вам черезчур страстным и приподнятым, но патриот, я люблю свою родину, не Россию кваса и самовара, а ту страну великого народа, в которой, как в плохо обработанном саду столько цветам так и не суждено было распуститься.

У меня перед глазами афиша «Бориса Годунова». На ней я читаю славное имя Мусоргского, того самого композитора, который в период создания своего шедевра жил грошевыми подачками от бюрократов и умер в больнице. Это было в 1881 году.

Страница из газеты «Matin» со статьей
Ф. Шаляпина

Были и другие цветы... Были и всегда будут. Вот например, мой друг Горький. Давно это было — в 1897 году¹. Я пел на Нижегородской ярмарке. Горький пришел ко мне в уборную. Мы еще тогда не были знакомы. Он спросил меня, правда ли, что я также из «нашего брата — Исаакия» (так называют в России бродяжническую братию). Я сказал, что да. Разговорившись, мы узнали, что когда-то работали бок-о-бок: в Саратове были грузчиками на баржах, в Казани, где я сапожничал, а он был пекарем; припомнили «кулачные бои» с татарами на льду озера по воскресениям, чтоб согреться. Обнялись мы тут с ним и расцеловались.

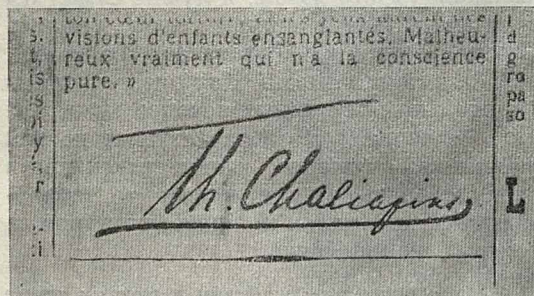
Когда я недавно, будучи на Капри, напомнил ему об этом, он пристально посмотрел на меня и воскликнул: «Смешно все это, почти баснословно».

¹Дата первой встречи с Горьким указана Шаляпиным неверно. В действительности эта встреча состоялась в 1899 году.

Или вот еще одно трогательное воспоминание. Шесть лет назад в Нижнем Горький ночевал у меня в номере. Прорыскаюсь и вижу: стоит он у окна в ночной рубашке, раздвинул портьеру и смотрит на дремлющий еще город. Солнце блесит на главах церквей, на речной глади и крышах домов. Говорю ему: «Ты чего поднялся?», а он отвечает: «Поди-ка сюда». Подхожу и вижу у него на глазах слезы. Я сначала не понял в чем дело. Он тогда говорит: «Смотри, что за красота, нет ни души. Вот оно человечество, сотворившее богов и законы: лежит на земле под небом, а солнце, невинное, как младенец, играет на том, что сделали люди».

Он очень кроток, Горький! Но тогда же я подумал: как он чист, как он честен, как безусловно честен. И теперь при этом воспоминании мне стыдно потому, что я не так чист, как этот чистейший цветок моей родины. Это одна из лучших минут моей жизни, одна из тех, о которых отчаянно вспомнить в уединении, когда беседуешь сам с собой. Если мне суждено когда-нибудь попасть в тюрьму, то я уже решил заняться там серьезным размышлением о самом себе, а то в сумбуре этих городских триумфов и в обстановке дамских салонов с их чайными церемониями никогда не успеваешь думать о таких вещах.

Мне хотелось бы рассказать Вам еще один эпизод из моего артистического прошлого. Мальчиком дискантом в церковном хоре я уже мечтал о театре. А в 17 лет уже выступал в роли знатного вельможи в опере польского композитора Монюшко: я выдаю свою дочь замуж и в сцене обручения у меня большая ария. Голос у меня был приятный, но не хва-

Последние строки статьи Ф. Шаляпина

О- тало жестов. Все равно — публика апло-
м- дирует. Кланяюсь, ступаю назад к стулу...
Один из товарищей отодвинул его. Я па-
даю... все смеются. А я плакал потом...

А в музыке, сколько их всходит, этих русских цветов: Глазунов, за ним Рахманинов, Скрябин, Лядов, Василенко и еще много других. И у каждого есть что-то свое. В качестве доброго русского, каждый из этих людей «поглотил» музыку всего света, наплатил ею свой мозг, и все же в миг творчества, родил самостоятельное произведение.

В этой загадке — вся русская душа.

Мы подобно бездне, открытой для всех потоков земли; но когда все это перекипает на дне и затем поднимается к небесам, является уже чарами, исторгнутыми властной силой жизни из самых недр нашей почвы. К этой чудесной земле и несутся теперь мои помыслы художника и человека: и бывший скромный волжский грузчик делится с Вами своим пылом и всей своей верой в будущность прекрасных русских цветов.

Я кончаю. Завтра я буду петь во второй раз по-русски на французской земле. Гражданам этой родины свободы я отдам свое сердце. Это будет сердце Бориса Годунова: оно будет биться под одеждами из парчи и жемчуга, сердце преступного русского царя, который умер, замученный своей совестью. Он принадлежит прошлому. Он — один из тех образов,

Цветы моей родины. *).

Если бы я мог писать по-русски, а не на французском языке, я лучше сумел бы сказать вам, что такое цветы моей родины. Русская земля так богата раздвоенными, заплохшими сонными! Как она плодородна, сколько могла бы дать она прекрасных детей! Но вечно ступает по ней тяжелая нога, истискивая из себя, заставляя все живое: татарина, удельный князь, турок.

Чувствую, что мой тонь понижается вам чуждым странностям. Патриотизм, я люблю Россию, — не Россию князя и самовара, а ту страну великого народа, тот огромный, плохо обработанный сад, в котором столько цветов так и не приходится распуститься.

У меня перед глазами афиша „Бориса Годунова“. На ней я читаю славное имя того самого Мусоргского, который, в то время, когда он писал свою оперу, собирал гроши у бюрократов и умер в больнице.

Были и другие цветы, были, и всегда будут. Например, мой приятель Горький. Давно это было, — в 1897 г. Я пал на Нижегородской ярмарке. Горький пришел ко мне в уборную. Мы не были

* Письмо знаменитого гвардии Шалапина, напечатанное в газете „Мир“, переводъ Г. М. М.

Статья Ф. Шалапина в газете «Судоходец».
Нижний-Новгород, 1908 год

которые вдохновили нашего великого Пушкина, когда поэт писал:

...Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

